

Ю. П. Шабав¹, А. П. Садохин², А. Ю. Кузнецова¹

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РУССКОГО СЕВЕРА: ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМНАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ*

¹ Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкарский государственный университет им. П. А. Сорокина, Российская Федерация, 196001, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российская Федерация, 119606, Москва, пр. Вернадского, 84

В статье рассматриваются демографические, социальные и этнокультурные процессы, происходящие на европейском/Русском Севере. Анализируется содержание понятия «Русский Север» и исторические причины, которые привели к его появлению. Показано, что многовековой процесс колонизации Русского Севера в последние десятилетия не только завершился, но начался процесс деколонизации. Наряду с утратой культурной привлекательности европейский север России утратил и социальную привлекательность как выгодный рынок труда, где можно обеспечить личное благосостояние, и как перспективный регион, где социальные условия позволяют с успехом делать личную карьеру. В регионе происходит нарастание социальных и культурных рисков, которые в перспективе могут привести к глубоким диспропорциям в социальном развитии названного региона. Очевидно, что в рамках общей Арктической стратегии необходима разработка макрорегиональной стратегии, которая бы в полной мере учитывала исторические, культурные и социальные ресурсы Русского Севера и специфику социальных и культурных процессов, происходящих в регионе. Библиогр. 28 назв.

Ключевые слова: Русский Север, европейский север России, деколонизация, этничность, миграции, социальные настроения, социальные риски.

RUSSIAN IDENTITY OF THE RUSSIAN NORTH: HISTORY AND MODERNITY PROBLEM

J. P. Shabaev¹, A. P. Sadohin², A. Yu. Kuznetsova¹

¹ Komi NTS Uro RAN, Syktyvkar State University. P. A. Sorokin, 26, ul. Kommunisticheskaya, Syktyvkar, 196001, Russian Federation,

² Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, 84, pr. Vernadskogo, Moscow, 119606, Russian Federation

This article examines the demographic, social and ethno-cultural processes in the European/Russian North. Analyzing the content of the notion “Russian North” and historical reasons that led to its emergence, it is shown that the centuries-old process of colonization of the Russian North in recent decades has not only been completed, but the opposite process of decolonization has already begun. Along with the loss of cultural attractiveness, the North of European Russia has also lost its social attractiveness as a favorable job market that can ensure personal well-being and as a promising region where social conditions can promote successful personal careers for its inhabitants. In the region there are increased social and cultural risks that could lead to a profound imbalance in the region's social development. It is obvious that within the overall Arctic strategy a macro-regional strategy is needed that can take full account of the historical, cultural and social resources of the Russian North as well as the peculiarities of the social and cultural processes taking place there. Refs 28.

Keywords: the Russian North, European North of Russia, decolonization, ethnicity, migration, social moods, social risks.

* Статья подготовлена в рамках проекта ERA.Net RUS Plus Programme nr.189 (CORUNO).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

Европейский север России сегодня важен для страны не только потому, что эксплуатация его природных богатств приносит существенные доходы компаниям и бюджету, но и тем, что является базой освоения Арктики и обеспечения судоходства по Северному морскому пути.

Помимо этого европейский север обладает также важным культурным значением и поэтому не случайно назван Русским Севером. При этом общая ситуация на европейском севере РФ в настоящее время крайне сложна и даже драматична [1], а перспективы его развития выглядят крайне неопределенно.

Российские специалисты сегодня обоснованно заявляют о деградации северных территорий [2–4], а некоторые западные исследователи указывают на многовариантность сценариев политического и социально-экономического развития европейского севера в ближайшей перспективе [5].

При анализе социальной и культурной ситуации на российском Севере особого внимания заслуживает рассмотрение социальных и культурных процессов, поскольку названный регион является не просто северной периферией, но имеет важное символическое и историко-культурное значение, ибо рассматривается как историческая провинция, где начиналось формирование российской государственности, общерусской идентичности и русской культуры. Поэтому для его обозначения используется термин «Русский Север».

Сегодня «Русский Север» — устоявшийся и широко используемый топонимический маркер, который нередко используется как название одной из исторических провинций страны, никогда не имевшей очевидных административных границ. Значимость указанного маркера далеко не ограничивается территориальностью, а имеет главным образом символический смысл.

Понятие «Русский Север» появилось достаточно поздно, поскольку на ранних этапах отечественной истории европейский север России не воспринимался как исключительно или преимущественно «русский» регион. В скандинавских летописях, в которых сообщается о походах на север в Финнмарк и к востоку от него, упоминалось, что там находится земля Биармия (Бьярмаланд), населенная народом биармов [6, 7]. В новгородских летописях земли к северу и северо-востоку от Новгорода чуть позднее стали именоваться территориями «за Волоком», то есть за Онегой, а уже в XI–XIII вв. они получили название Заволочье, население которых именовалось «чудью заволочской» [8–11], поскольку в ту эпоху оно было преимущественно самодийским и финским (уральским). Это название впоследствии приобрело расширительное толкование, поскольку в состав Заволочья стали входить территории Нижнего Подвинья — собственно Двина и Двинская Земля, а затем Прионежье и территории к востоку от Двины вплоть до р. Печоры [7, 11, 12]. Затем в результате миграции состав населения изменился, поменялся характер вассальной зависимости региона, его хозяйственная специфика, что заставило переименовать существенную часть Заволочья в Поморье, а его население — в поморцев [11, 13].

Формирование представлений о Русском Севере как о «заповеднике исконных русских традиций» произошло не случайно, а явилось результатом активных научных исследований, которые развернулись на европейском севере России во второй половине XIX столетия и связаны с деятельностью целой плеяды замечательных ученых, в числе которых необходимо упомянуть А. Ф. Гильфердинга, П. Е. Ефименко, Л. Н. Рыбникова, Е. Н. Барсова, Н. Е. Ончукова, Ф. М. Истомина, Г. О. Дютша,

А. В. Маркова, А. Д. Григорьева, П. Г. Богатырева, О. Э. Озаровского и многих других.

Представленные широкой общественности работы фольклористов, этнографов, историков позволили переосмыслить культурный потенциал Русского Севера и по существу сформулировать концепцию, сущность которой состояла в том, чтобы представить регион не как культурную периферию, а как первоначальное культурное ядро государства, как вместилище культурного наследия великороссов [3]. Эта культурологическая концепция не была четко описана, хотя российской общественности регион и был вполне определенно представлен как «культурная кладовая» русских, где сохранилась некая «первозданная» или «исконная» русскость. Задачу завершения этой концепции и придания ей политического смысла не случайно взял на себя не ученый, а политический деятель. Назначенный на должность губернатора Архангельской губернии А. П. Энгельгард совершил инспекционную поездку по вверенной ему губернии и итоги этой поездки изложил в форме путевых заметок [14], которые были изданы в 1897 г. Именно в этой работе и появился впервые термин «Русский Север» [15, с. 31]. Стремление назвать поликультурный регион «русским» не было случайным, ибо вписывалось и в политические практики, и в логику официальной идеологии. С конца XIX в. государство стало предпринимать активные усилия для того, чтобы ограничить экспансию норвежских рыбопромышленников и зверобоев на Новой Земле и Мурмане, не допустить маркирования данных территорий как «ничейной земли» [16]. Одновременно началась борьба с распространением лютеранства на землях, где проживали карелы. Финнизаторским усилиям стали противопоставляться усилия по обрусению карел и других групп меньшинств.

Что же касается официальной идеологии, то идея имперской нации тоже базировалась на очевидном этническом фундаменте. Российская националистическая доктрина, суть которой последовательно пропагандировала газета «Русское знамя», определялась следующим образом: «Русский народ как нация выражается в трех символах: вере православной, царе самодержавном и народе русском» [1, с. 153].

Однако в дальнейшем политическая значимость маркирования европейского севера как собственно русского региона утрачивается, поскольку большевики не принимали ни сам термин «великороссы», ни идею культурного ядра страны, а потому сознательно разделили историческую провинцию на этнонациональные анклав. Сам же термин был предан забвению, а когда стал использоваться вновь, то понятие «Русский Север» приобрело узкий фольклорный смысл. Между тем в этнодемографическом отношении регионы, которые чаще всего относят к территории Русского Севера, действительно являются «русскими» по этническому составу населения, причем доля русских во всех регионах растет начиная с конца XIX в. — времени проведения первой всеобщей переписи населения (если судить по данным о родном языке) [17]. Сегодня в некоторых областях европейского севера доля русских является наивысшей по стране в целом.

Поэтому не случайно, что сегодня вновь появляются идеи придать политическое значение термину «Русский Север» [18]. Причем в данном случае можно говорить не столько о стремлении создать в перспективе некие «русские» административные единицы, сколько о возможном объединении национально-государственных образований, созданных большевиками на европейском севере, в еди-

ный регион под предлогом его «исконной русскости» и топонимического русского наименования. Отсюда сегодняшнюю борьбу за Русский Север можно рассматривать и как своеобразную форму противодействия национализму этнических меньшинств на европейском севере России [19]. Более того, сторонники русского национализма ставят перед собой не только задачу противопоставления этнического национализма русских этническому национализму меньшинств, но и задачу борьбы с «внутрирусским региональным сепаратизмом», к которому относят сибирский, казачий, калининградский, дальневосточный и уральский и, конечно, поморский сепаратизм.

Необходимость борьбы с названными формами сепаратизма обосновывается тем, что они якобы разрушают некое исконное единство русских. В меморандуме Экспертного центра Всемирного русского народного собора по этому поводу заявлено: «Стратегия творцов внутрирусского регионального сепаратизма не имеет сколько-нибудь серьезной этнокультурной почвы. В общекультурном и политическом плане важнее не отрицание естественной культурной неоднородности этнических групп населения России, включая численно доминирующее этническое сообщество, а умение использовать историческую память и историческое наследие как реальный фундамент для формирования культуры толерантности, для повышения символической и общекультурной значимости региона. Именно культурная роль Русского Севера привлекала сюда в конце XIX — начале XX в. известных российских живописцев, писателей, разночинную интеллигенцию, делала регион культурно притягательным. В этом смысле отказ или неумение властей регионов европейского севера и федеральных институтов власти использовать символический и культурный ресурс Русского Севера для пропаганды его общероссийской значимости, для иллюстрации идеи “единства в многообразии” как основы российской мультикультурности, нерационален. Ведь наличие многих общих черт в культуре народов, населяющих европейский север РФ, и даже наличие общего культурного маркера для этой территории никак не отрицает культурного многообразия названного региона. Более того, символическое, историческое и культурное значение предложенной еще исследователями XIX в. концепции Русского Севера необходимо всячески пропагандировать и развивать, ориентируя эту концепцию на решение политических, социальных и культурных проблем современной России. И особенно это актуально в свете тех социальных и культурных проблем, которые сегодня имеют место на европейском севере РФ, в частности проблем, связанных с оптимизацией межкультурных и межэтнических взаимоотношений, состояние которых в регионах европейского севера не критично, но весьма далеко от идеала» [20].

Аргументов для того, чтобы характеризовать социально-экономическое и культурное развитие Русского Севера как проблемное, достаточно много. Это состояние региональной экономики и ее структура, неразвитость инфраструктуры, состояние сферы социальных услуг, а также характер межэтнических отношений и положение местных культурных сообществ. И хотя названный регион не относят к зонам межэтнических конфликтов, отношения между представителями разных этнических сообществ здесь довольно сложные, поскольку настроения интолерантности широко распространены среди населения [19]. Тем не менее следует признать: общая ситуация в сфере межнационального взаимодействия пока

достаточно стабильна в силу того, что тут абсолютно доминирует русское население, а значимость этнической принадлежности как социального маркера явно переоценивается многими местными политиками и даже экспертами. К примеру, материалы нашего опроса, проведенного в марте 2010 г. в Сыктывкаре, Архангельске и Мурманске, показали, что национальная принадлежность «очень важна» для 33,9 % респондентов в Архангельске, 13,8 % в Мурманске и 29,1 % в Сыктывкаре. Соответственно «совсем не важна» она для 14,9 % опрошенных жителей Архангельска, 15,1 % опрошенных в Мурманске и 14,7 % — в Сыктывкаре. Наибольшее количество респондентов (соответственно 49,2 %, 68,1 % и 51,7 %) указало, что помнит о своей этнической принадлежности, но не считает, что она «имеет особое значение», поскольку «важнее личные качества человека, а не его национальность».

Самой серьезной социальной проблемой является сегодня не межкультурная дистанция, а общий характер демографических процессов на европейском севере России. Наиболее очевидным свидетельством проблемного характера этих процессов является постоянное снижение общей численности населения северных областей и отрицательное сальдо миграции. В период между последней советской переписью 1989 г. и последней российской переписью населения 2010 г. население Мурманской области сократилось на 30,6 %, Ненецкого автономного округа — на 23,2 %, Республики Коми — на 29 % [20].

Особенно заметно происходит снижение численности населения ряда городов и поселков, расположенных в арктической зоне и являвшихся еще относительно недавно своеобразными форпостами освоения Арктики. К примеру, по данным текущей статистики, численность жителей Воркуты составляет ныне 60,4 тыс. человек. Согласно данным переписи населения 1989 г., оно достигало 115,6 тыс. человек, а вместе с населением горнозаводских поселков, входивших в состав Воркутинского горсовета, превышало 200 тыс. [21, с. 30]. Население поселка Амдерма в НАО, который называли «воротами в Арктику», в советские годы достигало на пике 10 тыс. человек, а в 1990 г. равнялось 5,3 тыс. жителей [22, с. 58–59]. В 2014 г. оно сократилось до 550 человек и многие из оставшихся не имеют постоянной работы.

Важно также отметить, что происходит последовательное и существенное снижение численности практически всех этнических групп, которые исторически связаны с европейским севером, за исключением европейских ненцев. Так, между переписями населения 2002 и 2010 гг. численность вепсов сократилась на 28 %, карел — на 34,8 %, коми — на 22,2 %. Неуклонное уменьшение численности, а также доли титульных этнических групп в составе населения республик и автономных округов служит аргументом, с помощью которого этнические организации и их лидеры пытаются обосновать алармистские сценарии развития народов, и инструментом давления на региональные власти с целью получения преференций для отдельных этнических групп и противопоставления интересов этих групп общим интересам территориальных сообществ [20].

В последние годы ежегодная убыль населения Архангельской области и Республики Коми в среднем составляет 8–10 тыс. человек, на несколько тысяч человек в год сокращается население Мурманской области, заметно убывает население Карелии и Вологодской области. Главными причинами убыли населения являются массовый выезд жителей за пределы северных регионов, отрицательное сальдо миграции. Однако, как это ни парадоксально, в последние годы естественный прирост был

положительным в регионах с наибольшим оттоком населения — Республике Коми и Мурманской области. В то же время в самых населенных областях европейского севера — Вологодской и Архангельской, а также в Республике Карелия — показатели естественного прироста остаются отрицательными. Самый высокий показатель естественной убыли населения, по данным текущей статистики, отмечен в Карелии (-2,2 на 1000 чел. в 2014 г.), где он вдвое выше, чем в Вологодской области и почти в четыре раза больше, нежели в Архангельской.

В последние годы стабилизация численности населения произошла только в НАО, где и естественный прирост, и сальдо миграции являются ныне положительными. Тем не менее демографы прогнозируют, что миграционный отток населения с европейского севера будет устойчиво превышать встречные миграционные потоки [3]. Ожидается и существенное снижение уровня рождаемости, а также увеличение смертности населения, поскольку в целом население европейского севера РФ довольно быстро стареет. Старение населения обусловлено тем, что северные регионы активно покидает прежде всего молодежь. В аналитическом материале, подготовленном территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми, отмечается, что с 2002 г. в Коми идет снижение доли молодежи в общем составе населения в результате усиленной миграции представителей этой социальной группы за пределы республики. Например, в 2007 г. за пределы республики выехал каждый пятый житель в возрасте 14–29 лет [23]. В числе тревожащих их социально-экономических проблем молодые люди отмечают в первую очередь сложности с трудоустройством, низкий уровень оплаты труда, пьянство и наркоманию, плохую заботу властей о населении.

Наш опрос, проведенный в трех «северных региональных столицах» в марте 2010 г., выявил довольно высокий уровень миграционных настроений среди жителей этих в целом благополучных городов: 35,5 % респондентов в Архангельске, 38,8 % в Мурманске и 39,6 % в Сыктывкаре выразили определенное желание уехать за пределы региона (среди опрошенных в возрасте от 18 до 25 лет эта доля составляла 51,4 %).

При этом в региональных центрах, как правило, выше средние доходы населения, хорошо развит рынок труда, лучше организован сервис и образовательная сфера, в то время как в других городах и поселках северных регионов ситуация менее благоприятна, а неудовлетворенность населения своим положением, как показывают данные ряда наших исследований, выше, а потому больше и доля лиц, желающих покинуть свое место жительства.

Высокий уровень миграционных настроений, однако, связан не только с общей неудовлетворенностью своей жизнью, но, скорее всего, обусловлен общими неясными перспективами регионального развития. К подобному выводу подталкивает характер ответов на вопрос, который касался понимания жителями общих перспектив развития области или республики. Только 8,3 % респондентов в Архангельске, 11,3 % в Сыктывкаре и 13,2 % в Мурманске утверждали, что имеют вполне определенное представление о перспективах развития своих регионов. От 42 до 48 % опрошенных заявили, что им неясна северная политика федерального центра и лишь 6 % готовы были согласиться с тем, что правительство уделяет много внимания развитию северных территорий и у него есть ясная северная политика.

Сложившаяся демографическая ситуация, характер миграционных настроений, экономическая и социальная ситуация на европейском севере, социальная деградация многих поселений, а также качество работы государственных служащих [24] позволяют говорить о том, что процесс деколонизации европейского севера приобрел устойчивый характер.

А поскольку это так, возникает угроза «опустынивания» обширных северных территорий, где прекращается всякая хозяйственная деятельность ввиду того, что дееспособное население их покинуло.

Проблема «ничейной земли», которая в свое время заставила царское правительство обратить внимание на развитие европейского севера России и побудила символически маркировать этот регион как типически русский, сегодня может снова стать актуальной, поскольку специалисты отмечают, что в современном мире все эта идея трансформировалась в форму политической и социальной концепции. Суть концепции достаточно проста и состоит в том, что неиспользуемые полностью или слабо освоенные территории становятся некой «ничьей» землей, а обладающее подобной землей государство как бы ограничивает или даже полностью теряет «суверенитет над ее ресурсами в случае, если другие страны желают ими воспользоваться» [4, с. 30].

Россия в последние годы пытается активно отстаивать свои права на арктические и субарктические территории и устраивает дорогостоящие экспедиции, целью которых является поиск аргументов для обоснования претензий на обширные территории арктического шельфа, восстанавливает военные аэродромы и базы на арктических островах, которые были заброшены в 1990-е гг., планирует строительство новых портов, метеостанций и т. д.

При этом официальные власти России заявляют о своем стремлении к «возвращению на Север». Это «возвращение» пока носит преимущественно концептуальный характер, поскольку в 2008 г. Д. Медведев утвердил Арктическую стратегию РФ [17], а в 2013 г. Президент В. Путин подписал Стратегию развития Арктической зоны РФ и обеспечения ее безопасности до 2020 года [25]. Эти важные документы указывают на геополитические позиции российского руководства, но не опираются на серьезную историческую аргументацию и глубокий анализ современных социальных реалий на европейском севере РФ и в других арктических и субарктических регионах страны, а также не предполагают закрепления населения на Севере, не нацелены однозначно на формирование здесь прочных региональных сообществ.

Между тем крайне важным является не только культурный ресурс Русского Севера, но и его природные, экономические и иные ресурсы, однако как оценка, так и использование этих ресурсов оставляют желать лучшего. И самое главное, что неясными остаются стратегия и выбор путей развития макрорегиона. Однако для потенциальных инвесторов, заинтересованных в развитии сотрудничества с областями и республиками европейского севера, необходимо понимание того, какую роль в ближайшем будущем может играть указанный регион в общенациональном развитии, каковы здесь вероятные пути политических, культурных и экономических преобразований. Не случайно поэтому, еще более десяти лет назад правительственные ведомства Норвегии предложили группе исследователей провести исследования и разработать вероятные сценарии развития европейского севера РФ.

Норвежские исследователи сформулировали по итогам своих изысканий три вероятных сценария.

В первом сценарии говорилось, что в основу развития будет положено интенсивное освоение нефтегазовых ресурсов Севера при стагнации других отраслей хозяйства. При этом региональные элиты не получат своей доли доходов от нового «нефтяного бума», а потому попытаются усилить свое политическое влияние путем лоббирования идеи слияния Мурманской, Архангельской областей, НАО и Республики Коми в единый регион. Эта идея будет поддержана федеральным центром, но лишь частично, поскольку Коми сохранит свой статус.

Второй сценарий, названный «Владения Русского Медведя», предполагает, что освоение природных ресурсов региона будет происходить под жестким государственным контролем, иностранные инвестиции в его развитие будут ограничены. Планы освоения газовых месторождений Баренцева моря будут заморожены. Этот сценарий предполагает увеличение государственных льгот и субсидий северянам, благодаря чему замедлится миграция в южные регионы и повысится рождаемость. Низкие цены на энергоносители обеспечат развитие металлургической промышленности и в первую очередь производство алюминия в Коми, Карелии и Мурманской области, где российские компании построят новые алюминиевые комбинаты.

Последний сценарий предполагал, что государство возьмет курс на ослабление страны от нефтяной зависимости и это спровоцирует рост иностранных инвестиций в другие отрасли экономики Севера, а также в средний и малый бизнес. Крупных проектов не будет, а подъем производства будет происходить умеренными темпами. При этом в 2008 г. будут объединены в один регион Карелия и Мурманская область, а затем Архангельская область поглотит не только НАО, но и Коми [5].

Некоторые предположения исследователей отчасти подтвердились, но ни один из указанных сценариев не реализовался в полной мере, что свидетельствует не столько о недостаточной глубине анализа, осуществленного норвежскими исследователями, сколько об отсутствии общей стратегии развития макрорегиона, неопределенности приоритетов развития регионов европейского севера, недостаточности ресурсов и стимулов для качественных преобразований в экономике и социальной сфере, а потому и о непредсказуемости путей развития Русского Севера.

Сегодня ситуация стала еще менее определенной, поскольку поступательному развитию региона вряд ли будет уделено серьезное внимание, ибо в качестве государственного приоритета названы программы регионального развития Крыма, Северного Кавказа и Дальнего Востока. Кроме того, разработана и утверждена Арктическая стратегия и программа развития арктической зоны. Казалось бы, последняя стратегия создает стимулы и для развития регионов Русского Севера, но в число арктических территорий включены лишь некоторые районы этой исторической провинции. К примеру, в Республике Коми к арктическим территориям отнесен лишь город Воркута, в Архангельской области — это Архангельск, Северодвинск и Новодвинск, а также Онежский, Поморский и Мезенский районы, в Карелии — Кемский и Лоухонский районы, то есть лишь самые северные окраины области и республики. Мурманская область и НАО вошли целиком, а расположенная существенно южнее Вологодская область, естественно, совсем не вписывается в Арктическую зону. Но, кроме того, важно отметить, что Арктическая стратегия, очевидно, опирается на три основных приоритета, в числе которых: 1) освоение

энергетических ресурсов, 2) использование геостратегического потенциала арктической зоны, 3) развитие Северного морского пути.

Комплексное территориальное развитие, решение социальных проблем регионов европейского севера обозначено в принятой в 2014 г. государственной программе «Социально-экономическое развитие арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 г.» как важное направление в реализации Арктической стратегии, но есть сомнения в том, что социальная проблематика действительно будет реальным приоритетом при реализации Арктической стратегии, равно как и продекларированное в Государственной программе социально-экономического развития арктической зоны стремление к «улучшению качества жизни коренного населения» [26].

Между тем без решения социальных проблем европейский север в целом и его арктические и субарктические территории будут продолжать активно терять население и социально деградировать. Дело в том, что уровень жизни населения в регионах европейского севера сегодня явно ниже тех показателей, которые необходимы для того, чтобы эти регионы были привлекательны как для трудовых мигрантов, так и для самого местного населения. Фактически в большинстве регионов показатели доходов близки к среднероссийским, хотя цены на товары повседневного спроса и услуги здесь существенно выше, как и потребности в одежде, сбалансированном и качественном питании, курортном отдыхе, сохранении здоровья и т. д. Средний размер заработной платы очевидно выше средних показателей по стране лишь в НАО и Мурманской области. Однако, если судить по данным официальной статистики, показатели потребительских расходов у северян несущественно отличаются от общероссийских, что не отражает реальной ситуации и отчасти связано с методикой сбора статистических данных, а отчасти с тем, что определенная доля расходов жителей северных регионов осуществляется за пределами своих регионов.

Важным показателем социального неблагополучия регионов служит уровень бедности, или доля населения с доходами ниже прожиточного минимума. Правда, стоит оговориться, что сам показатель прожиточного минимума устанавливается региональными властями и является весьма неточным социальным индикатором. Так, например, Архангельская область и Республика Коми по природным и социально-экономическим условиям мало отличаются друг от друга, но прожиточный минимум в АО в 2015 г. был установлен на три тысячи выше, нежели в Коми. О схожести социально-экономической ситуации в двух названных регионах свидетельствует тот факт, что в 2013 г. доля бедных, то есть жителей с доходами ниже прожиточного минимума, в Коми равнялась 13,7%, а в Архангельской области — 14,1% (в Мурманской области — 10,8%, в НАО — 7,9%, в Карелии — 14,1%, в Вологодской области — 13,0%). Официальных данных за последующие годы нет, но уровень бедности с 2008 г. практически не снижается, а с 2013 г. наметилась очевидная тенденция к его росту. К концу 2015 г., если судить по данным публикуемой текущей статистики, доля бедных во всех регионах европейского севера должна была существенно вырасти.

Важно заметить, что статистически зафиксированный уровень бедности плохо коррелирует с субъективной бедностью, то есть с оценкой своего экономического положения самими гражданами. Исследования, проведенные нами до кризиса

2008–2009 гг., показали, что уже тогда уровень субъективной бедности в Республике Коми превышал официальный показатель примерно вдвое [27]. Даже в «нефтяной столице» Коми — городе Усинске, где средняя заработная плата вдвое выше общереспубликанского показателя, достаточно много людей относили себя к категории малообеспеченных. Недостаточный уровень материальной обеспеченности северян заставляет их активно использовать потребительские кредиты, и поэтому население всех регионов европейского севера закредитовано существенно больше жителей большинства других регионов страны. Средний долг на заемщика составляет в НАО 696 210 руб., в Коми — 368 822 руб., в Мурманской области — 343 223 руб., в Архангельской области — 322 185 руб. [28]. При этом если в РФ в целом уровень закредитованности составляет 20 % от годового дохода семьи, то в Карелии — 32 %, в Вологодской области — 27 %, в Мурманской области — 25 %, в Архангельской области — 23 %.

Рост благосостояния жителей регионов европейского севера в ближайшие годы вряд ли произойдет, и это станет дополнительным стимулом для миграции населения за его пределы. В среднесрочной перспективе повышение доходов возможно, но лишь при условии, что экономика Севера получит мощные стимулы для развития и на северных территориях появятся не только новые современные и эффективные производства с высоким уровнем оплаты труда, но и целые производственные кластеры, территории опережающего развития, способные существенно изменить экономическую ситуацию в арктических и субарктических регионах. В свое время планировалось создать такой кластер на базе Штокмановского газоконденсатного месторождения в Мурманской области, алюминиево-глиноземный кластер — в Коми, где помимо рудника по добыче бокситов предполагалось начать строительство обогатительной фабрики, алюминиевого завода и ряда сопутствующих производств. Но эти проекты не были реализованы, а других масштабных строек уже не предвидится. Более того, экономика регионов европейского севера страдает от избыточного количества убыточных производств. Если в целом по РФ доля убыточных предприятий составляет 29,7 %, то во всех регионах европейского севера она существенно выше: в Карелии — 44,5 %, в НАО — 43,1 %, в Мурманской области — 40,7 %, в Архангельской области — 42,4 %. При этом доля убыточных предприятий в традиционных отраслях региональной экономики — в сельском хозяйстве и лесозаготовках — еще выше. Связано это прежде всего с тем, что издержки производителей на Севере существенно выше, чем в среднем по России. При этом в общем объеме издержек сегодня уровень заработной платы существенно менее значим, нежели транспортные расходы и логистика. Последние очень велики, поскольку есть трудности с транспортной доступностью многих поселений, транспортные тарифы высоки, неразвита дорожная сеть, сложна логистика.

Для того чтобы улучшить ситуацию в экономике регионов европейского севера, стимулировать производство и повысить доходы местного населения, требуется комплекс мер, которые должны быть приняты со стороны государства. В первую очередь необходимо интенсифицировать дорожное строительство, масштабы которого явно недостаточны. При этом в Арктической стратегии говорится о создании опорной сети дорог, которые обеспечат более динамичное развитие арктических территорий. Но, во-первых, не хватает средств, во-вторых, средства не концентрируются на наиболее быстро решаемых вариантах транспортного

обеспечения. Активно лоббируется создание новой железнодорожной магистрали по восточным склонам Уральских гор (трасса Полуночное–Салехард), но эти расходы сегодня не по силам ни бюджету, ни компаниям, а необходимость в транспортном сообщении с Нижним Приобьем, которое становится основным центром нефтегазодобычи в РФ, растет. Поэтому самый целесообразный, быстрый и дешевый способ улучшить транспортное сообщение — это глубокая реконструкция Северной железной дороги, расширение ее возможностей, особенно на участке Воркута–Лабытнанги, который предполагается в скором времени соединить с Северным широтным ходом, становящимся сухопутным дублером Северного морского пути. Что касается шоссейных дорог, то необходимо соединить трассу Вятка от города Печоры с Нарьян-Маром, а также Воркутой, Лабытнанги и Салехардом. Уже многие годы власти Ненецкого округа и Республики Коми вкладывают средства в строительство этой трассы, но объем этих средств явно недостаточен, что сдерживает темпы строительства и не позволяет привлечь дополнительные строительные организации. Указанные вложения не только позволят соединить с сетью федеральных дорог столицы двух субъектов Федерации, но и дадут очевидный и скорый экономический эффект, а также эффект социальный, поскольку станет дешевле доставка товаров для жителей северных регионов, вокруг трассы появятся новые объекты сервиса, а значит, и рабочие места для местного населения.

Что касается общей стратегии развития Русского Севера, то вероятно целесообразно в рамках Программы развития арктической зоны создать подпрограмму «Русский Север». Однако более важно создавать не программные документы, а реальные стимулы для развития Севера. При этом следует предусмотреть как стимулы для развития бизнеса, так и стимулы для населения.

В числе стимулов, очевидно, должны быть меры налогового характера, в частности для аграрных предприятий нужно отменить или резко снизить налог на землю, для рыболовецких кооперативов отменить плату за квоты на вылов рыбы и пересмотреть саму практику распределения квот. Для всех других экономических агентов необходимо общее и значительное снижение налоговой нагрузки, как это делается в других странах, где есть арктические территории. Необходимо, видимо, создать государственный банк «Русский Север», который, как и в царские времена, будет выдавать льготные кредиты местным производителям. Иными словами требуется создать целую систему экономических стимулов, которые позволят выровнять условия ведения бизнеса на Севере с другими регионами страны, а возможно, и сделают эти условия более выгодными.

Литература

1. Размолодин М. Л. О разности фундаментальных основ черносотенной и националистической доктрин в России начала XX века // Клио. 2011. № 2 (53). С. 153–159.
2. Пилясов А. Н. И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания. М.: Изд-во ЛИБРОКОМ, 2009. 544 с.
3. Север: проблемы периферийных территорий / отв. ред. В. Н. Лаженцев. Сыктывкар: Коми научный центр, 2007. 420 с.
4. Ушкалов И. Г., Малаха И. А. Территориальные общности населения севера (Зарубежный опыт и некоторые выводы в контексте решения российских проблем) // Человек на Севере: условия и качество жизни. Сыктывкар: Коми научный центр, 1999. С. 30–35.

5. Big Oil Playground, Russian Bear Preserve or European Periphery? The Russian Barents Sea Region towards 2015 / Brunstad B., Magnus E., Swanson P., Hønneland G., Øverland I. Eburon Delft: Eburon Academic Publishers, 2004. 218 с.
6. Джаксон Т. Н. Русский Север в древнескандинавских сагах // Культура Русского Севера. Л.: Наука, 1988. С. 58–66.
7. Захарова Н. Н. Архангельский север в древнескандинавской литературе // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика: сб. науч. статей. Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск: Поморский университет, 2011. Вып. 5. С. 421–428.
8. Ефименко П. С. Чудь заволоцкая. Архангельск: Изд-во Арх. Губерн. Стат. Ком., 1869. 194 с.
9. Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб.: Наука, 1991. 328 с.
10. Лащук Л. П. Чудь историческая и чудь легендарная // Вопросы истории. 1969. № 10. С. 208–218.
11. Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М.: Наука, 2001. 848 с.
12. Власова И. В. Этническая история и формирование населения Русского Севера // Этнопанорама. 2005. № 1–2. С. 36–41.
13. Ануфриев В. В. Русские поморы. Культурно-историческая идентичность. М.: Российский институт культурологии, 2008. С. 34–36.
14. Энгельгардт А. П. Русский Север. Путевые записки. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1897. 258 с.
15. Калуцков В. Н. Русский Север как культурно-географический регион // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика. Архангельск: Поморский университет, 2009. Вып. 5. С. 27–37.
16. Нильсен Й. Новая земля — «ничейная земля»? // Народы и культуры Баренцева региона. Tromsø: Университет г. Тромсё, Музей г. Тромсё, 1996. С. 43–52.
17. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу // Арктическая стратегия РФ. URL: <http://www.rb.ru/inform/107277.html>. (дата обращения: 10.05.2015).
18. Лукин Ю. Ф. О русском поморе замолвите слово // Арктика и Север. 2012. № 71. С. 12–18.
19. Шабаетов Ю. П., Садохин А. П. Региональный национализм. Экспертный анализ идеологии финно-угорских этнических движений в России. М.: DirectMEDIA, 2014. 409 с.
20. Шабаетов Ю. П. Народы европейского севера России: положение, специфика идентичности // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 54–62.
21. Ильин И. В. Власть и уголь. Шахтерское движение Воркуты (1989–1998 годы). Сыктывкар: Сыктывкарский гос. университет, 1998. 270 с.
22. Витязева Э. В. Амдерма // Ненецкий автономный округ: Энциклопедический словарь. М.: Дом книги «Аванта+», 2001. 304 с.
23. Молодежь Республики Коми. Аналитический материал. Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми. Сыктывкар: Федеральная служба государственной статистики по Республике Коми, 2008. 68 с.
24. Гончаров И. А., Садохин А. П., Шабаетов Ю. П., Штраллер О. Ф. Векторы профессиональных ориентаций в пространстве инфокоммуникаций // Государственная служба. 2010. № 3. С. 23–37.
25. Путин утвердил стратегию развития Арктической зоны РФ до 2020 года // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2013/02/20/strategia-anons.html> (дата обращения: 10.05.2015).
26. Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года». URL: <http://www.rg.ru/2014/04124/arktika-site-doc.html> (дата обращения: 20.07.2015).
27. Шабаетов Ю. П. Республика Коми // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных странах. Ежегодный доклад 2008. М.: Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, 2009. С. 305–320.
28. Мы такие разные: как берут и отдают кредиты в российских регионах: URL: <http://www.klerk.ru/bank/articles/420191/> (дата обращения: 12.07.2015).

References

1. Razmolodin M. L. O raznosti fundamental'nykh osnov chernosotnoy i natsionalisticheskoy doktrin v Rossii nachala KhKh veka [Difference chernosotnoy fundamentals and nationalistic doctrines of the early twentieth century in Russia]. *Klio [Clío]*, 2011, no. 2 (53), pp. 153–159. (In Russian)

2. Piliasov A. N. *I poslednie stanut pervymi. Severnaia periferiia na puti k ekonomike znaniia* [And the last shall be first. Northern Periphery towards the knowledge economy]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 544 p. (In Russian)
3. Sever: *problemy periferiinykh territorii* [North: the problems of peripheral areas]. Ed. by V. N. Lazhentsev. Syktyvkar, Komi Science Center Publ., 2007. 420 p. (In Russian)
4. Ushkalov I. G., Malakha I. A. Territorial'nye obshchnosti naseleniia severa (Zarubezhnyi opyt i nekotorye vyvody v kontekste resheniia rossiiskikh problem) [Territorial community of the population of the north (International experience and some of the findings in the context of solving the problems Russian)]. *Chelovek na Severe: usloviia i kachestvo zhizni* [Man in the North: the conditions and quality of life]. Syktyvkar, Komi Science Center Publ., 1999, pp. 30–35. (In Russian)
5. Brunstad B., Magnus E., Swanson P., Hønneland G., Øverland I. *Big Oil Playground, Russian Bear Preserve or European Periphery? The Russian Barents Sea Region towards 2015*. Eburon Delft, Eburon Academic Publishers, 2004. 218 p.
6. Dzhakson T. N. Russkii Sever v drevneskandinavskikh sagakh [Russian North in the Norse sagas]. *Kul'tura Russkogo Severa* [Culture of the Russian North]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, pp. 58–66. (In Russian)
7. Zakharova N. N. Arkhangel'skii sever v drevneskandinavskoi literature [North in ancient Scandinavian literature]. *Geokul'turnoe prostranstvo Evropeiskogo Severa: genezis, struktura, semantika: sb. nauch. statei. Pomorskie chteniia po semiotike kul'tury* [Geocultural space of the European North: Genesis, structure, semantics: sat. researcher. Articles. Pomor reading on semiotics of culture]. Arkhangel'sk, Pomorian University Publ., 2011, issue 5, pp. 421–428. (In Russian)
8. Efimenko P. S. *Chud' zavolotskaia* [Chud' zavolockaa. Arkhangel'sk, Arkhangel'sk Regional Statistic Committee Publ., 1869. 194 p. (In Russian)
9. Krinichnaia N. A. *Predaniia Russkogo Severa* [Legends of the Russian North]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991. 328 p. (In Russian)
10. Lashuk L. P. *Chud' istoricheskaiia i chud' legendarnaia* [Chud' historical and legendary CHUD]. *Vo-prosy istorii* [Questions of history], 1969, no. 10, pp. 208–218. (In Russian)
11. *Russkii Sever: etnicheskaiia istoriia i narodnaia kul'tura. XII–XX veka* [Russian North: ethnic history and folk culture. XII–XX century]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 848 p. (In Russian)
12. Vlasova I. V. Etnicheskaiia istoriia i formirovanie naseleniia Russkogo Severa [Ethnic history and formation of the population of the Russian North]. *Etnopanorama*, 2005, no. 1–2, pp. 36–41. (In Russian)
13. Anufriev V. V. *Russkie pomory. Kul'turno-istoricheskaiia identichnost'* [Russian pomors. Cultural and historical identity]. Moscow, Russian Institute of Culturology Publ., 2008, pp. 34–36. (In Russian)
14. Engel'gardt A. P. *Russkii Sever. Putevye zapiski* [Russian north. Travel notes]. St. Petersburg, A. S. Suvorina Publ., 1897. 258 p. (In Russian)
15. Kalutskov V. N. *Russkii Sever kak kul'turno-geograficheskii region* [Russian North as a cultural and geographical region]. *Geokul'turnoe prostranstvo Evropeiskogo Severa: genezis, struktura, semantika* [Geocultural space of the European North: Genesis, structure, semantics]. Arkhangel'sk, Pomeranian University Publ., 2009, issue 5, pp. 27–37. (In Russian)
16. Nil'sen I. *Novaia zemlia — «nicheinaia zemlia»? [New Earth — “no man's land”?]. *Narody i kul'tury Barentseva regiona* [The peoples and cultures of the Barents region]. Tromsø, University of Tromsø, Tromsø Museum Publ., 1996, pp. 43–52.*
17. *Osnovy gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v Arktike na period do 2020 goda i dal'neishuiu perspektivu* [Fundamentals of the State policy of the Russian Federation in the Arctic for the period up to the year 2020 and beyond]. *Arkticheskaiia strategiia RF* [Arctic strategy of the Russian Federation]. Available at: <http://www.rb.ru/inform/107277.html>. (accessed 10.05.2015).
18. Lukin Iu. F. *O russkom pomore zamolvite slovo* [About Russian sea say a word]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2012, no. 71, pp. 12–18. (In Russian)
19. Shabaev Iu. P., Sadokhin A. P. *Regional'nyi natsionalizm. Ekspertnyi analiz ideologii finno-ugorskikh etnicheskikh dvizhenii v Rossii* [Regional nationalism. Expert analysis of the ideology of the Finno-Ugric ethnic movements in Russia]. Moscow, DirectMEDIA Publ., 2014. 409 p. (In Russian)
20. Shabaev Iu. P. *Narody evropeiskogo severa Rossii: polozhenie, spetsifika identichnosti* [Peoples of Russia's European North: the situation specificity, identity]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological researches], 2011, no. 2, pp. 54–62. (In Russian)
21. Il'in I. V. *Vlast' i ugol'. Shakhterskoe dvizhenie Vorkuty (1989–1998 gody)* [Power and coal. Vorkuta miners' movement (1989–1998 years)]. Syktyvkar, Syktyvkar State University Publ., 1998. 270 p. (In Russian)
22. Vitiazeva E. V. *Amderma. Nenetskii avtonomnyi okrug. Entsiklopedicheskii slovar'* [Nenets Autonomous Okrug. Encyclopedic dictionary]. Moscow, Dom knigi «Avanta+» Publ., 2001. 304 p. (In Russian)

23. *Molodezh' Respubliki Komi. Analiticheskii material. Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki. Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Respublike Komi [Youth of the Republic of Komi. Analytical material. Federal State statistics service. The territorial body of the Federal service of State statistics in the Republic of Komi]*. Syktyvkar, Federal service of State statistics in the Republic of Komi Publ., 2008. 68 p. (In Russian)
24. Goncharov I. A., Sadokhin A. P., Shabaev Iu. P., Shtraller O. F. Vektory professional'nykh orientatsii v prostranstve infokommunikatsii [Vectors professional orientations in the ICT space]. *Gosudarstvennaia sluzhba* [Public service], 2010, no. 3, pp. 23–37. (In Russian)
25. Putin utverdil strategiiu razvitiia Arkticheskoi zony RF do 2020 goda [Putin approved the strategy for the development of the RUSSIAN Arctic to 2020 year]. *Rossiiskaia gazeta [Russian newspaper]*. Available at: <http://www.rg.ru/2013/02/20/strategia-anons.html> (accessed 10.05.2015).
26. *Gosudarstvennaia programma Rossiiskoi Federatsii «Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda [The State programme of the Russian Federation “socio-economic development of the Arctic zone of the Russian Federation for the period until the year 2020”]*. Available at: <http://www.rg.ru/2014/04124/arktika-site-doc.html> (accessed 20.07.2015).
27. Shabaev Iu. P. Respublika Komi [Komi Republic]. *Etnopoliticheskaia situatsiia v Rossii i sopredel'nykh stranakh. Ezhegodnyi doklad 2008 [Ethnopolitical situation in Russia and neighboring countries. Annual report 2008]*. Moscow, Institute of Ethnology and anthropology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 305–320. (In Russian)
28. *My takie raznye: kak berut i otdaiut kredyty v rossiiskikh regionakh [We are so different: how to take and give credits in Russian regions]*. Available at: <http://www.klerk.ru/bank/articles/420191/> (accessed 12.07.2015).

Статья поступила в редакцию 24 декабря 2015 г.

Контактная информация:

Шабает Юрий Петрович — доктор исторических наук; yupshabaev@mail.ru
Садохин Александр Петрович — доктор культурологии; sadalpetr@yandex.ru
Кузнецова Анна Юрьевна — аспирант; ann-kuznetsova@mail.ru

Shabaev Yuriy P. — Doctor of History; yupshabaev@mail.ru
Sadokhin Alexander P. — Doctor of Culturology; sadalpetr@yandex.ru
Kuznetsova Anna Yu. — post graduate student; ann-kuznetsova@mail.ru